

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1(091)

EDN: TWJEBL

doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-3-12

РУССКИЙ КОСМИЗМ И ПОСТРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ В ОПТИКЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: И. А. БУНИН

Наталья Геннадьевна Коваленко

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия
nataly6707@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Историко-философский подход к анализу теоретического и художественно-эстетического наследия первого российского лауреата Нобелевской премии по литературе писателя Ивана Алексеевича Бунина интересен для современного читателя не только своей философской составляющей, но и литературоведческой, позволяющей понять его прозу как классическую в деле сохранения наследия отечественной лирической литературы. Бунин – философ-космист, и человечество для него есть часть мира природы, сила, по своей природе сопоставимая с силой геологической (академик Вернадский). Поэтому философские идеи Бунина, выраженные в художественно-литературной форме, составляют исследовательскую цель настоящей работы, посвященной русскому космизму в оптике литературы Серебряного века. *Материалы и методы.* Реализация поставленной цели была достигнута на базе исследования литературного творчества Бунина, в частности его прозы начала XX столетия, как одного из деятелей культуры Серебряного века. Особенность творчества русского писателя этой эпохи состояла в том, что Бунин – принципиальный сторонник литературного индивидуализма, не сводимого к идеологии основных направлений того времени: символизма, акмеизма, футуризма. Интерес творцов Серебряного века к религиозной составляющей жизни человека и общества не обошел и его стороной, но вылился при этом в увлечение философией пантеизма и акцентуацией христианско-православного аспекта в миропонимании и мировосприятии русского писателя. *Результаты.* Помимо историко-философского материала исследовано и такое направление творчества Бунина, как осмысление им трагических реалий второй и третьей русских революций 1917 г. Как социальный мыслитель Бунин характеризует это время эпитетом «дни окаянные». *Выводы.* Изучение заявленной темы позволило сделать следующие выводы: творчество и философская позиция писателя прошли длительную эволюцию: от идеализации русского народа до идеи «власти толпы» в революционной России; от миропонимания в русле русского космизма к религиозной философии пантеистического толка и идее мировой гармонии; творческая судьба Ивана Бунина показательна в плане абсолютизации индивидуальности творца-писателя, и в этом мы видим значительное сходство с позицией поэтессы Серебряного века Марины Цветаевой.

Ключевые слова: культура Серебряного века, философское наследие Бунина, русский космизм, бунинская лирическая проза

Для цитирования: Коваленко Н. Г. Русский космизм и постреволюционная Россия в оптике литературы и философии Серебряного века: И. А. Бунин // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 3. С. 118–132. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-3-12 EDN: TWJEBL

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

RUSSIAN COSMISM AND POST-REVOLUTIONARY RUSSIA THROUGH THE LENS OF SILVER AGE LITERATURE AND PHILOSOPHY: I.A. BUNIN

Natalya G. Kovalenko

St. Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia
nataly6707@ mail.ru

Abstract. *Background.* The historical philosophical approach to analyzing the theoretical and artistic-aesthetic heritage of the first Russian Nobel Prize winner in literature, writer Ivan Alekseevich Bunin, is interesting for the modern reader not only for its philosophical component, but also for its literary factuality, which allows understanding his prose as classic for the preservation of the heritage of Russian lyrics. I.A. Bunin is a cosmist philosopher and for him mankind is a part of the natural world, a force of its nature comparable to the geological force (academician V.I. Vernadsky). Therefore, I.A. Bunin's philosophical ideas, expressed in the artistic and literary form, constitute the research aim of this paper, devoted to Russian cosmism through the lens of Silver Age literature. *Materials and methods.* The set aim is achieved through studying I.A. Bunin's literary work, in particular his prose of the early 20th century as one of the cultural figures of the Silver Age. The peculiarity of the work of the Russian writer of this period is that I.A. Bunin is a principal supporter of literary individualism, irreducible to the ideology of the main trends of the time: symbolism, acmeism, futurism. The interest of the Silver Age creators in the religious component of human life and society did not bypass him, but it resulted in a section of fascination with the philosophy of pantheism and the accentuation of the Christian Orthodox aspect in the world perception and worldview of the Russian writer. *Results.* In addition to historical and philosophical material, the article explores such a direction of I.A. Bunin's literature as his comprehension of the tragic realities of the Second and Third Russian Revolutions of 1917. As a social thinker, I.A. Bunin characterises this time with the epithet 'the days of darkness'. *Conclusions.* The study of the stated topic enables drawing the following conclusions: the creativity and philosophical position of the writer underwent a long evolution: from the idealisation of the Russian people to the idea of the 'power of the crowd' in revolutionary Russia; from a worldview in the vein of Russian cosmism to the religious philosophy of pantheism and the idea of world harmony; the creative destiny of I.A. Bunin is indicative in terms of the absolutisation of the individuality of the creator-writer and in this we see a significant similarity with the position of the Silver Age poetess Marina Tsvetaeva.

Keywords: Silver Age culture, I.A. Bunin's philosophical heritage, Russian cosmism, I.A. Bunin's lyrical prose

For citation: Kovalenko N.G. Russian cosmism and post-revolutionary Russia through the lens of Silver Age literature and philosophy: I.A. Bunin. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Наука. Обществo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(3):118–132. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-3-12

Интерес к творчеству Ивана Алексеевича Бунина как выдающегося творца культуры Серебряного века, ставшего первым в плеяде русских лауреатов Нобелевской премии по литературе, в истории отечественной философии и литературоведения значителен. Современные авторы пишут о Бунине по преимуществу как о классике, сохранявшем традиции русской лирической прозы, в произведениях которого говорится о гармонии между жизнью отдельного человека (индивида) с одной стороны и обществом и миром природы с другой. По мнению Бунина, человечество неотделимо от природного мира и является единым целым

с ним. Он, как и Лев Толстой, положивший начало эпохе Серебряного века, не сомневался в том, что природа наделена способностью к обновлению, поддержанию и возобновлению жизни, и именно это мнение он транслировал в собственных литературных произведениях. Культурфилософы современности утверждают, что идеи Бунина, касающиеся моральных, этических и философских основ жизни как целостности, отражены в его раннем творчестве, в частности в его рассказе «Сосны», опубликованном в 1901 г. В произведениях Бунина говорится о жизни и смерти, их связи, человеческом предназначении, невероятной и неуничтожимой красоте окружающего природного мира. Осмысление этих идей у Бунина происходит в разрезе пантеизма с бытийной точки зрения, подразумевающей обычное конечное земное и бесконечное космическое существование. В основе философии космизма Бунина лежат две первоосновные и взаимосвязанные идеи – объективно существующая самоценность человеческой жизни и осознаваемый писателем субъективный подход к восприятию людьми тайн бытия [1, с. 190]. В конечном счете Бунин приходит к мысли о неисчерпаемости Человека, его родстве и связи с великим Космосом.

Бунин в историко-философском ключе интересен для исследователей своими идеями универсализма и космизма, что позволяет рассматривать его творчество в рамках русского космизма как продолжателя философии «общего дела» Н. Федорова. Взаимодействие в его трудах различных философско-антропологических и социально-философских идей и традиций свидетельствует об органике историко-философских знаний писателя. А религиозные трактовки сюжетов русской и мировой литературы являются вкладом в неохристианство как общую философско-религиозную идеологию деятелей Серебряного века [2, с. 213; 3–6].

О значимости религии в деле формирования духовного капитала индивида и социума, например, шла речь на Международной научной конференции в Белгородском государственном институте искусств и культуры в 2020 г. «Русская, советская и постсоветская литература и философия: "точки разрывов" и "узлы сборки"», приуроченной к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина. Авторы одного из докладов пишут, что сверхъестественное описывает часть окружающего мира и реалий, которые скрыты от человеческого восприятия и людских органов чувств и, следовательно, в его существовании невозможно удостовериться или доказать его истинность на практике. Здесь речь идет о божественной, духовной сфере, бессмертности души и тому подобных вещах, как и священных связях и скрытых от людских глаз, потайных свойствах различных материальных объектов, произошедших событий и наблюдаемых феноменов. Вот откуда берутся религиозные верования. Писатель в этом аспекте хочет понять, как в сознании людей формируется представление о чем-то, находящемся за пределами нашего понимания, в разрезе человеческой духовности и накопленной за жизнь мудрости [7, с. 85]. Религия, делается поэтому вывод, есть феномен суверенитета как сознания личностного, так и сознания массового, общественного. Именно в силу этого она была так привлекательна для деятелей Серебряного века.

Наконец, отношение Бунина к «окаянным дням» российской истории позволяет говорить о социальных основаниях его философии, своеобразной историософии писателя как свидетеля трагедии Гражданской войны в России [8, с. 5; 9, с. 121]. В исследовательских работах акцент, как правило, делается на синкретизме мировоззренческих установок русского писателя, его философско-антропологических устремлениях и в связи с этим на его отношении к Русской православной церкви, русскому православию и традиционным мировым религиям.

Христианско-православный аспект в миропонимании и мировосприятии писателя, ярко и четко проявившийся в его произведениях, в мельчайших деталях исследован в монографии М. М. Дунаева под названием «Православие и русская литература» [10] (при составлении этого труда использовался лекционный материал, оставшийся после прочтения студентам Московской духовной академии). Данный труд является достаточно основательным и по-своему новаторским. Его автор провел систематизацию религиозного и православного понимания в восприятии русской литературой XVII – конца XX в. В данной исследовательской работе представлен анализ прозы Бунина в плане ее соответствия

православному богословию. Примером подобного подхода к литературному творчеству персоналий может служить предисловие к описанию жизни и деятельности преподобного Силуана Афонского, где говорится, что в течение 19 столетий, которые насчитывает история христианства, существовало множество его истовых приверженцев, однако относительно человеческого рода эта армия людей – настоящих христиан, которые свидетельствовали о любви Христа, являлась редкостью. Причиной этого было то, что бороться за любовь крайне трудно и болезненно, это реальный подвиг. При этом свидетельствовать о любви и проповедовать ее хотя и страшно, но в то же время и возвышенно [11, с. 7].

Религиозные воззрения Бунина выявляются также и через сопоставление с различными системами мистических представлений, и в первую очередь религиями Востока. Дунаев, говоря о цитатах, сделанных писателем и почерпнутых им из религиозной литературы, упоминает, что Бунин строго подчинял свое религиозное творчество и прозаике конкретной, стоящей перед ним цели. Также он говорит о том, что Бунин с достаточным своеобразием цитирует и использует Библию. Первоочередную роль для писателя играет не сам упоминаемый сакральный текст и строки Библии, а именно стоящая перед ним как автором уникальная художественная цель [10, с. 529]. Бунин – видный деятель культуры Серебряного века и подобная трактовка православного учения была решающим вектором литературных пристрастий рубежа веков. Это характерно для всех представителей Серебряного века, трактующих православие с позиций неохристианства по Бердяеву. Можно утверждать это и в связи с литературно-богословским и публицистическим творчеством великого Толстого. Но для Бунина подобная ориентация была свойственна лишь в доэмигрантский период. Трагизм русской революции 1917 г. заставил его, однако, вернуться к начальным традициям русского православия, учению Русской православной церкви.

Идея синкретизма, т.е. оригинальной взаимосвязи многих составляющих духовной культуры, пожалуй, является центральной в рамках «неорелигиозного» мировоззрения и миропонимания, свойственного ярчайшим представителям эпохи Серебряного века. Сам процесс ее формирования является продуктом другого процесса, при котором соприкасаются и объединяются друг с другом различные религии и идеи, порожденные как античными древними культурами, так и современной эпохой. Синкретичный характер общекультурной сферы прекрасно описан В. Д. Агафоновой, отмечавшей, что в России эпоха Серебряного века была временем своего рода религиозного и философского возрождения, при этом творческим людям того времени свойственна философичность, тогда как философам – «художественность» и артистизм. Все они питали страсть к пафосному мировосприятию материального, физического бытия, сопряженному с метафизикой. Идея синтеза также была важна в этом новом «неорелигиозном» мировоззрении и являлась, по сути, его стержнем. Она возникла в процессе объединения, слияния всех этих различных религий, дошедших к нам с древних времен или порожденных современной эпохой [12, с. 26].

Помимо положений основных мировых религий: христианства, ислама, буддизма – писателей и поэтов Серебряного века интересовали и многочисленные ответвления от них. В своем творчестве они осмысливают, например, сектантские верования. Особо привлекало их староверие в рамках русского православия. Был значителен интерес и к феномену мистицизма в целом. К. Г. Исупов отмечает, что Розанов рассуждает о мистицизме отношений между мужчиной и женщиной, тогда как Н. Арсеньева привлекает мистицизм идеи Встречи (это стабильно повторяющаяся тематика и сюжетная линия в письмах авторов-символистов, адресованных друг другу). Дмитрий Мережковский и Е. Иванов увлечены идеей петербургского мистицизма, тогда как Н. Бердяев много писал о денежном мистицизме. В то же время А. Блок, активно переписывавшийся с А. Белым, комментировал числовой мистицизм [13, с. 102]. В культуре Серебряного века показательным был и интерес «старшего» символиста З. Гиппиус к мистической стороне староверия, которое полагалось в качестве русского народного движения на основе русского православия.

Новое религиозное движение в контексте идей символистов о «новом религиозном сознании» характеризовалось развитием, наполненным религиозно-философскими противоре-

чиями. В частности, поиски и стремление к Богу в то время часто сочетались с концептуальными идеями общефилософского, антропологического и социального характера. Также художественные концепции данного исторического периода нередко сосуществовали с искусственно построенными конструктами, отличавшимися схематичностью, структурированностью и умозрительностью, как и метафизической рефлексией в общефилософском смысле. У Бунина, например, философская насыщенность текстов по преимуществу касалась сознания человека. Иногда происходило смещение нравственно-этических и религиозных граней в пользу художественного. Моральное значение переставало быть приоритетным, а это зачастую приводило к главенству эстетического характера. Потребности художественной культуры тогда зачастую превалировали над этическими ценностями. В. Брюсов пишет:

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я [14, с. 354].

Ю. А. Фоминенко пишет в этой связи о взаимосвязи художественно-эстетического и религиозно-мистического в культуре Серебряного века. Он подчеркивает, что русский символизм характеризуется многогранностью вкупе с противоречивостью, если рассматривать его как уникальное явление, свойственное данной эпохе. Ученые, исследовавшие тот период развития отечественной культуры, считали работы его известных деятелей своего рода «мистериями». Среди символистов распространенной являлась позиция, в соответствии с которой постижение тайны провозглашалось ключевой целью искусства как такового. Тем не менее сама трактовка мистерии на рубеже XIX–XX вв. характеризовалась неоднозначностью и противоречивостью, у людей были разные представления о том, что это такое. В энциклопедиях определение термина «мистерия» формулируется следующим образом: это своеобразная древняя религиозная церемония, дошедшая к нам со времен античности, а также театральная игра, доставшаяся от Средневековья. Но в отечественном символизме данный термин трактуется по-своему, поскольку его ярчайшие представители восприняли эту идею со свойственной им спецификой, интерпретировали ее и придали ей собственный смысл [15, с. 41]. По Фоминенко, эти особенности состояли в следующем: во-первых, попытка превратить искусство в новую форму религии или в «новое религиозное сознание»; во-вторых, идея всеобщей дематериализации, т.е. воссоединения Человека и Бога; в-третьих, парадигма создания нового социально-религиозного мира как Третье Пришествие Иисуса Христа.

Из всей многообразной массы религиозных и философских течений, существовавших на стыке XIX–XX вв., немаловажное место занимает пантеизм. Данный концепт представляет собой идею о том, что живая природа является центром существования бытия, что все в мире вдохновлено Богом и наделено душой. Пантеистические воззрения оказали огромное влияние на творческий путь писателя и укоренились в его мировосприятии. Они стали тем толчком, что привел Бунина к философии русского космизма [16–18]. Идея космизма становится одной из важнейших составляющих его художественного мира. Для него формула «Человек – Природа – Космос – Любовь» – это основа существования непостижимого Всебытия. Космизм, будучи религиозным и философским течением, предполагает особый взгляд на окружающий мир, который отличается целостностью. Он ставит жизнь в центр всего сущего, т.е. Вселенной или Космоса, который с этой точки зрения рассматривается как находящийся в гармонии с человечеством и отличается соразмерностью ему. В эпоху Серебряного века космизм превратился в новую художественно-эстетическую силу и пространство для

творчества и культурного самовыражения в литературно-философском осмыслении. Понимание человечества как новой геологической силы космического пространства роднит Бунина и лидера естественно-научного космизма Вернадского [19, 20]. Все это было запечатлено в литературном творчестве Бунина [21].

Вне традиций общепризнанных литературных школ Серебряного века Бунин создавал свою собственную художественную систему. Можно утверждать, что он в прозе и Марина Цветаева в поэзии стали теми художественными субъектами, которые творили наперекор общим тенденциям в литературе Серебряного века. Они творцы-одиночки, личности-индивидуумы вне групп и литературных направлений. Именно последнее сыграло свою роль в судьбе Бунина – нобелевского лауреата. Художественное восприятие писателя сформировалось под влиянием религиозных и философских идей и изысканий, свойственных той эпохе, в которой он жил. Для нее было характерно сочетание традиционализма, православия и религиозных исканий в контексте неохристианства, а также мистического мировосприятия, свойственного восточно-философским и восточно-религиозным системам. Кроме того, она базировалась на прочной основе, созданной философами-антропологами. Именно этот синкретизм делает творчество Бунина таким уникальным.

Как-то он дал интервью «Голосу Москвы», в котором честно и искренне рассказал о том, что у него сформировалась определенная философия путешествий. Важно отметить, что ее формирование было непосредственно сопряжено с посещением ряда восточных государств. Каждая совершенная зарубежная поездка помогала ему глубже понять, кем он был как творческая личность, т.е. самоопределился на писательском поприще. Кроме того, путешествие по странам Востока сильно повлияло на его мировоззрение. Но, несмотря на произошедшие в нем метаморфозы, нужно помнить о том, что Бунин появился на свет на русской земле, воспитывался и рос в христианской семье, исповедовавшей православие. Поэтому он с детства верил в Господа и Троицу. В этом отношении уместно упомянуть его произведение «Жизнь Арсеньева», которое можно считать автобиографией. Там он рассказывает о собственном детском восприятии Господа и Небесной жизни и связывает их с состоянием физического умирания. Именно идея физического умирания казалась писателю неразрывно связанной с Господом Всемогущим, с которым у него также ассоциировалась обрядовая атрибутика – лампада и темные иконки в оправе с серебром или позолотой, расположенные в материнских покоях.

С Господом у Бунина-писателя ассоциировалась и идея бессмертности, ведь и сам Он был вечным, всесильным и бессмертным, находящимся над нами, на небесах, в их бесконечной синеве. Кроме того, идея о том, что у всех людей существует вечная, неумирающая душа, которая продолжает жить после умирания физического тела, с малых лет была частью писательской жизни [22, с. 24]. Итак, мы видим, что взгляды писателя, его мировоззрение и мировосприятие, творческий характер формировались на протяжении длительного времени. Данный процесс протекал под влиянием различных философий и верований, но ключевым, базовым его элементом стало христианское мировоззрение. Именно на этот фундамент в дальнейшем накладывались другие философские идеи и положения общемировых религий.

По мнению писателя, оценить, насколько ценными являются конкретные феномены, связанные с религией, можно на основе таких критериев, как их связь с историей и эстетичность. С его точки зрения, все, что характеризуется эстетичностью и красотой, одновременно наделено возвышенностью и духовностью, и это отчетливо видно в произведении «Тень птицы» – лирическом эссе, посвященном длительной поездке, предпринятой писателем в восточные страны. Он сформировал своеобразный собирательный образ древней религии с помощью цитирования священных древневосточных текстов. Это цитирование прослеживается на протяжении всего литературного сюжета и делает его более значимым. В список упоминаемых древних религиозных текстов вошли древнееврейский Талмуд, мусульманский Коран и христианские Евангелия. Все они характеризуются не только авторитетностью, но и в равной степени поучительностью для читающего. Эти книги имеют огромное значение, скрывают в себе какую-то непознаваемую тайну, наполнены мистицизмом и духовными

откровениями. Данные древние писания воплощают в себе идею вечности, что и сделало их такими привлекательными для писателя [23].

Автор восхваляет стамбульский пейзаж и прекрасный вид, открывающийся на расположенный там собор Святой Софии как реликвию, оставшуюся от христианской эпохи, существовавшей до прихода и распространения мусульманской религии. С тех пор собор превратился в исламское сакральное здание. Об этом путешествии Бунин писал, что все попадавшие к нему на пути путешественники корили турецкий народ за «оголение» собора, в результате которого он утратил изначальный декоративный вид, включающий статуи святых, картины и выложенную древнюю мозаику. Однако сельская местность Турции и простота Софийского собора ассоциировались у Бунина с истоками исламской религии, зарождение которой происходило в пустынном пейзаже. Именно первобытность и нарочитая упрощенность поразили писателя, как и то, что любой человек, желающий помолиться, мог зайти в собор, превращенный в мечеть, босиком. Она функционировала без перерывов, и туда пускали всех желающих. Мусульмане молились с уверенностью в сердце, верой во Всевышнего, смотря в небеса и раскрыв руки. Делали они это в освещенном безмолвием храме [24, с. 29].

С доктринальной точки зрения исламская религия допускает наличие мозаичных декораций, однако запрещает размещение статуй, икон и фресок, изображающих святых. Это, пожалуй, можно назвать ключевой отличительной чертой указанной религии. В художественном видении писателя действительно важным и специфичным только для него было сочетание в написанных им работах сентиментальности, эмоциональности и религиозности с пантеизмом, ощущением одухотворенности бесконечно красивой живой природы, ассоциирующейся у него с вечностью и бесконечностью самой Вселенной. В своем стихотворном произведении под названием «Айя-София» автор писал следующее:

Светильники горели, непонятный
Звучал язык, – великий шейх читал
Святой Коран, и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал...

А утром храм был светел. Все молчало
В смиренной и священной тишине,
И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.

И голуби в нем, рея, ворковали
И с вышины, из каждого окна,
Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна! [25, с. 173]

Формула по Бунину «Человек – Природа – Космос – Любовь всечеловеческая» есть тематическая данная Всебытия. Поэтому на писательское мировоззрение значительно повлиял повышенный интерес, проявляемый им к идее пантеизма и соответствующему мировосприятию, которое оказалось вполне совместимым с типичным для русского менталитета космизмом. В то же время созданные им литературные образы, связанные с представителями разных религий, тоже характеризуются наличием специфического оттенка пантеистической направленности. В частности, Господь, представленный в Ветхом Завете, кажется ему воплощением природных явлений и живого мира. Он замечает присутствие Господа во всем окружающем его овеществленном материальном мире. Представляя Господа как создателя мира, сотворившего его, все сущее и человечество, Бунин осуществляет соединение буддизма, проповедующего отказ от страданий, с пантеизмом. В писательском мировоззрении тут

проявляется стремление не просто к достижению полного покоя, так называемой нирваны, а к тому, чтобы быть частью целого, Космоса как такового.

Г. Ю. Карпенко, анализируя творчество писателя, говорит о свойственном его мировоззрению пантеизму. В частности, персонажи бунинских произведений, исповедовавшие буддизм, умирая, не просто уходят в небытие, а, напротив, возвращаются в общее вместилище душ во Вселенной либо тянутся к нему, соприкасаясь с ним [26, с. 14]. При этом религиозные убеждения писателя уходили корнями не только в ветхозаветные еврейские тексты, но и в традиционный для юго-востока буддизм. Поэтому исповедуемый им пантеизм и философское мировоззрение характеризуются неоднозначностью, даже противоречивостью. Это не много сбивает наблюдателя с толку. Для самого Бунина идея Господа как творца Мира была несколько двусмысленной. В произведениях писателя Господь похож на совершенно обезличенную силу, просто сливающуюся с природой (как это характерно для буддистов), а иногда Он представлен как нечто типично иудео-христианское – трансцендентное и личностно поставленное над природой.

Следует подчеркнуть, что пантеистическая философия и соответствующие мировоззренческие установки в раннем и позднем периоде творчества писателя имеют существенные отличия по смысловому наполнению и тональности. В раннем творчестве писателя его философские установки обладали характерной окраской и гармоничностью, при этом пантеистическая атмосфера была наполнена космизмом и соответствующей мировоззренческой спецификой. В произведениях, написанных Буниным до вынужденной эмиграции, все время прослеживается идея взаимодействия индивида с Космосом и всеми его проявлениями в окружающем мире. Однако по достижении писателем зрелости пантеистические воззрения постепенно приобретают оттенок трагизма. В начале XX в. стали очевидными непримиримые различия социального характера: личность и общество, власть и народ, экономика и мораль. Все это было связано с ощущением трагизма социального рубежа XIX–XX вв. Русские революции, Первая мировая война вошли в его творчество темой человеческого одиночества, покинутости личности перед лицом социального бытия. Пантеистическая окрашенность его литературы становится трагической и опустошенной.

Мировоззренчески значимы те чувства, как мы отмечали, которые связывали Бунина с русским православием. Этому посвящена, в сущности, автобиография писателя, художественно представленная в романе «Жизнь Арсеньева» [22]. Опишем детское переживание того персонажа, с которым писатель ассоциирует себя. Он задается вопросом, в какое время и при каких обстоятельствах он пришел к христианской вере и к идее Бога в принципе, а также начал ощущать его всем своим естеством. Персонажу бунинского произведения кажется, что это произошло одновременно с осознанием им реальности смерти и непосредственно было связано с принятием факта смертности человека и всего живого [22, с. 24]. Впечатления, переживаемые писателем с раннего детства, побудили его привить персонажу способность ощущать с особой трепетностью древность и таинственность, а также красоту церковной жизни и молитвенных обрядов. Особое художественное и по-своему трепетное отношение к христианским соборам, религиозное чувство проявлялись у Бунина на протяжении всей его жизни. В частности, эта особенность нашла яркое выражение в его дневниковых записях, посвященных большевистскому перевороту и озаглавленных как «Окаянные дни». Вынужденно обретя эмигрантский статус, Бунин получил новые жизненные впечатления от христианства в изгнании. Затем произошло их своеобразное «наложение» на образ утраченной Родины, вызывая в писателе чувство ностальгии в отношении православной церковной жизни и обрядов. Вот почему он до конца жизни не расставался с небольшой старинной иконкой в раме из чистого серебра.

Мировоззрение, проявившееся у персонажа Алексея Арсеньева, по своей сути довольно похоже на пантеизм. Этот персонаж как бы «проникает в землю» и четко осознает собственную ничтожность в сравнении с величием и бесконечностью созданной Богом Вселенной. При этом он является полноправной ее частью. В подражание помощнику пастуха он делал припасы из соленой корочки ржаного хлеба, зеленого лука с маленьким соцветием семян

в виде метелки на концах, а также свежей редиски и редьки. Но зачем он все это ел? Ведь дело было не в испытываемом им голоде, а в подсознательном стремлении посредством трапезы вобрать в себя частичку Вселенной в ее материально-чувственном выражении [22, с. 17]. В этом бунинском персонаже, изображенном юношей, четко проявляется стремление к «мирским» удовольствиям в «материальном» мире. Но оно неотрывно от «небесного», «одушевленного» причастия к божественному, сверхприродного и по характеру своему космического, всебытийного. Отсюда характерное восприятие героем Великого Поста как преодоления земных утех, но вместе с тем и Пасхи как торжества новой жизни после 49-дневного аскетического подвига. Бунин пишет, что затем приходил черед Великого Поста, длившегося сравнительно большой шестинедельный срок, в течение которого постившемуся из религиозных соображений приходилось отказывать себе во всех мирских удовольствиях [22, с. 24].

Личность писателя в некотором роде лишена догматичности, при этом по-настоящему наполнена интуитивностью и чувственностью. Его мир антиномий зиждется на нереальности и невозможности «стопроцентных истин». Это касается не только православной религии, но распространяется и на иудейскую, мусульманскую и буддистскую веру. Во всех существующих мировых верованиях Бунин стремится отыскать нечто объединяющее их и пронизывающее любую религию. Его концепция Господа имеет серьезные отличия от догматичного в христианстве представления о Господе-творце и Господе-личности. С данной точки зрения его мировоззрение в некоторой степени похоже на буддизм с его идеей безличностного Бога и даже на язычество. Отметим, что антиномичный характер вопросов религиозного содержания был в целом свойственен всем деятелям культуры Серебряного века.

В своих рассуждениях, касающихся того, чем Господь Бунина с присущей ему и обусловленной язычеством сущностью отличается от типичного для христианства триединого Бога, одновременно выступающего в роли Отца, Сына и Святого Духа, Ф. А. Степун отмечал следующий момент: мистический Господь Бунина характеризуется немотой, и именно в этом заключается главное различие между ним и Богом-Словом, существующим в рамках догматизма христианства. «Бессмысленный» для писателя мир и существование в нем так и остаются таковыми. Однако при этом, с точки зрения писателя, происходит обретение Вселенной максимальной глубины. Именно ее Бунин способен глубоко прочувствовать и ужаснуться всем своим существом, одновременно восхищаясь ее бесконечной красотой [27, с. 97]. Можно сделать вывод о том, что религиозно-философские суждения и художественное отражение сверхъестественного у Бунина не вполне религиозоведчески обоснованы, но они ярко выражены именно в литературном оформлении. Как пишет Ю. Мальцев, это, в сущности, всего лишь «одежды», которые писатель как бы примеривает к религии [28, с. 213].

Связь язычества и христианства для Бунина особо значима на примере «народного православия», или, правильнее, двоеверия. После принятия Русью православной веры и ее распространения по русской земле ее развитие проходило в русле ортодоксии, почерпнутой из религиозных книг, и одновременно в «простонародном» русле, совмещенном с остатками язычества и древних верований. «Народное» христианство не представляло собой некое отдельное религиозное ответвление, напротив, оно скорее являлось своеобразной комбинацией, уникальной смесью утраченных представлений и принятой новой веры. Именно поэтому оно долго не утрачивало языческие черты и пережитки. Писатель был по-настоящему глубоко привязан к родной для него русской культуре и горячо любил ее. Это искреннее глубокое чувство распространялось даже на «темную старину» и побуждало писателя откликнуться в своем творчестве, отразив реальную жизнь простонародья со всей ее спецификой. Присущий его мировоззрению пантеизм был схож с испытываемой простым народом тоской по Матери – сырой Земле. Однако в его разуме произошло преобразование данного чувства в космизм и характерное для него Всебытие. Связь простых людей с природой, ее феноменами и живой стихией вполне соответствовала убежденности Бунина в том, что человечество и окружающий мир родственны друг другу, а потому могут гармонично сосуществовать. Бытовавшая в народе вера, слегка окрашенная в оттенки язычества, была важна для него, потому что выражала своеобразный дух родной страны и приобщала его к философской стороне

жизни, позволяя соприкоснуться с ней. Например, это отразилось в его коротком произведении «Аглая», основным персонажем которого является молодая девушка Анна-Аглая, родившаяся в деревне и ставшая монахиней [29, с. 285].

В другом произведении писателя под названием «Жертва» – история, в фундаменте которой частично лежит сказка про «Илью Пророка и Миколая Угодника», – рассказывается о беседе простого крестьянина с могущественным «громовержцем» Ильей. В произведении раскрывается тематика судьбы и рока и есть сюжетная линия о непреодолимых природных силах, олицетворяемых Ильей. Господу в произведении приносится своеобразная «жертва», в роли которой выступает малолетняя дочка основного персонажа. Далее по сюжету происходит слияние в сознании данного персонажа реальных событий с метафорически описанным «громовержцем», находящимся в небе над облаками. Персонаж видит гигантскую фигуру Ильи, скрытого в небесной синеве и похожего на икону с изображением святого – с белой бородой и в огненном плаще. Он похож на Саваофа – ветхозаветного бога воинства [30, с. 218].

В древнерусском фольклоре существует связь между пророком Ильей с одной стороны и природными явлениями – грозой, громом и молнией – с другой. Такое сочетание традиционно христианских и типичных для язычества верований создает уникальный образ собственного народу двоеверия. Разряд ударившей молнии забирает жизнь девочки в этой истории. А ее основным персонажем это рассматривается как гнев могущественного Ильи, который имеет власть судить и наказывать. В то же время произведение «Лирник Родион» демонстрирует другой аспект этой идеи и сюжета. В нем незрячий народный менестрель олицетворяет собой красоту и наполненность человеческого внутреннего мира. Этот персонаж характеризуется простотой и легкостью характера, открытостью людям и внешнему миру. Он беззаботен и мягкосердечен, но также глубоко религиозен и скромнен, строгий, серьезный и нежный одновременно. В числе спетых им песен были не только псалмы, но и тексты, посвященные любви, размышлениям, вере и Богородице. Та быстрота и непринужденность, с которой менестрель перебирает песенные темы, поистине завораживает. Родиона можно отнести к наиболее запоминающимся образам в творчестве Бунина, описывающего жизнь народа – простых людей и крестьянства. Он очень чуткий, обладает непревзойденным вкусом и чувством меры, и эта поистине редкая натура вызывает очарование у читателя [30, с. 280].

В произведении «Косцы», написанном, когда автор уже был вынужден эмигрировать за границу, проявляется его ностальгия по родине. Она отражается в воссоздании образа крестьянства, простонародья. Здесь хорошо показаны мировоззрение писателя, его культурфилософские взгляды. У героя вызывает особое восхищение песня, которую поют косцы, поскольку она одновременно и радостная, и совершенно безнадежная. В тексте данной песни представлены и сплетаются воедино различные культурные образы. В их число вошли аспекты крестьянской веры землепашцев, занимающихся земледелием, и легенды из прошлого, старинные былины. Исполнитель песни – простой крестьянин. Он не только хорошо разбирается в молитвах, заговорах и приворотях, но и обладает чудодейственной способностью убежать из тюрьмы, обратившись в птицу – сокола. Для этого ему достаточно удара о землю. Также он способен укрываться от врагов и назойливых соседей в густом лесу, в темных болотах, и даже Бог милостив и всепрощающ в отношении него [29, с. 192]. Но былая Русь миновала, настали новые «окаянные дни» безвременья. А это вызывает у Бунина-аристократа особенную, проникновенную грусть и ностальгию.

Россия постреволюционная – особая тема в творчестве русского писателя. Это касалось и восприятия протекания революции как «окаянных дней», и отношения к новой советской России. В книге «Окаянные дни» автор вопрошает, неужели никому не известен тот факт, что любая революция представляет собой всего лишь ужасное и огромное кровопролитие ради захвата власти. И даже когда простонародью на какой-то весьма ограниченный срок достается право первенства, возможность поиграть в лидеров, устраивать пирушки и дебоширить в роли новых господ-временщиков, заканчивается этот разгул только хаосом и разрушениями. В результате плодами революции неизбежно пользуются негодяи, которые умом

и хитростью захватывают власть, делая остальных нищими и заставляя их голодать. Поэтому после революции простонародье оказывается в еще худшем положении [31, с. 155]. Книга представляет собой дневниковые записи, которые Бунин вел в Москве и Одессе с 1918 по 1920 г. В полном виде в эмиграции они были опубликованы в 1936 г. В Советском Союзе это произведение подверглось запрету со стороны органов цензуры, поэтому оно не выходило до провозглашения перестройки. Действительно, лозунги Октября 1917 г. «Землю крестьянам» и «Фабрики рабочим» всколыхнули русский народ, но уже в следующем году земля была национализирована, а заводы и фабрики огосударствлены.

«Окаянные дни» следует считать не просто художественным, но скорее философско-публицистическим произведением. В нем с разных сторон отражается трагизм эпохи третьей русской революции и спровоцированной ею опустошительной и разрушительной для страны Гражданской войны. Поскольку писатель стал непосредственным очевидцем происходивших событий, он сумел ярко изобразить собственные чувства и мысли, как и идеи, господствовавшие тогда в стране. Это делает книгу интересной с точки зрения историографии событий. Кроме того, рассматриваемое произведение позволяет более полно и глубоко понять творческий путь автора в целом, поскольку в нем отражен случившийся с ним глубинный жизненный перелом. Как человек, Бунин отнесся к революционным событиям как к чему-то катастрофичному для всей нации. Он был глубоко и искренно потрясен случившимися переменами, поэтому транслировал такие эмоции, как мрачность и подавленность. Именно это делает данную книгу по-настоящему важной и ценной.

Можно провести определенную аналогию с восприятием революции с точки зрения идеологии евразийцев, которые характеризовали ее как русскую трагедию, но вместе с тем полагали необходимым признать, но не легитимизировать власть большевиков. Об этом писал Н. С. Трубецкой, когда характеризовал так называемый «истинный национализм» в отличие от национализма «ложного»: великодержавного национализма, воинствующего шовинизма и культурного консерватизма. Трубецкой пишет об истинном национализме так, что применительно к Евразии (в дальнейшем – территория СССР) его необходимо сочетать и дополнять за счет общеевразийского национализма [32, с. 203]. Признание исторического факта – существования СССР, советской России – положительная сторона евразийской социальной и политической философии. Сохранение России как единого государства, с точки зрения евразийцев, в какой-то мере оправдывало трагизм Гражданской войны. А сохранение русской национальной культуры рассматривалось ими как фактор самопознания народа, как способность русских к инокультурному восприятию [33, с. 433; 34, с. 13].

Совершенно отлично восприятие новой России в творчестве Бунина. Он очень негативно относился к большевистскому октябрьскому перевороту, произошедшему в 1917 г. И это его негативное восприятие, внутреннее отторжение автоматически проецировалось на возникший на обломках Российской империи СССР. Именно поэтому «Окаянные дни» нельзя считать просто сборником дневниковых записей. Это скорее историческое произведение, которое представляет собой реконструкцию и переосмысление запомнившихся ему событий и пережитых в прошлом эмоций, с последующей их творческой переработкой. Он рассматривал октябрьскую революцию как перелом в непрерывном, поступательном ходе истории, отклонение от естественного хода событий. Ему казалось, что он был единственным, кто еще был способен ощутить и прочувствовать «ушедшую эпоху» предков. Именно поэтому основной идеей «Окаянных дней» было сравнение и столкновение увядания старого мира, в природе присущего осени, и трагизма наступившей «бесформенной» современности.

У Бунина существовали опасения относительно того, что в СССР исчезнет все красивое, женственное и молодежное. Революционные события он считал не просто следствием проигрыша демократического правительства и установления тиранического режима. Это была также окончательная потеря прошлого общественного порядка и гармонии обывательской жизни, триумф бесформенного хаоса. Бунин пишет, что любой русский бунт, включая современный, инспирированный большевиками, ничем не отличается от прежних попыток мятежников, и только является подтверждением того, что русский народ в первую очередь

жаждет быть исключительным [31, с. 224]. Кроме того, в этом произведении очень сильно ощущается, насколько автору грустно от необходимости уезжать из страны, покидать родной дом. Осматривая опустевший порт в Одессе, Бунин вспоминает, как когда-то отплывал из него, чтобы отметить медовый месяц в Палестине. Далее он говорит о том, что потомки эмигрантов уже через одно-два поколения не только не узнают, но и не смогут вообразить жизнь в навсегда утраченной России, ушедшей в небытие [31, с. 60].

Говоря о крахе той общественной жизни, которая существовала в России до революции, писатель размышляет о неизбежном крушении гармоничного существования во всем мире и следующей за этим эпохе безвременья. Утешается он единственно причастностью к православию и церковной жизни. С учетом этого нельзя считать случайностью тот факт, что произведение заканчивается упоминанием о частом посещении им и его семьей храма, об испытываемой ими восторженности от хорового пения, проповедей священника, богатого церковного убранства, всего этого великолепия, порождающего умиротворение. Это позволяет уменьшить долю выпавших им страданий. Писателя удивляет тот факт, что в прежние времена его знакомые посещали храм лишь в случае похорон, а церковная обстановка и заупокойные молитвы их угнетали или вызывали скуку [31, с. 239].

Автор чувствовал себя ответственным, наряду с большинством российских интеллигентов и интеллектуалов, за тот национальный и культурный развал, что произошел в стране из-за большевистского переворота. Он винил себя и окружающих в том, что всех их нимало не интересовали религиозные вопросы, и считал, что именно по этой причине народ оказался чужд духовности и последовал за большевиками. По мнению писателя, особенным символизмом был наполнен тот факт, что представители интеллигенции в дореволюционную эпоху брезговали регулярным посещением храма и бывали там лишь в случае приглашения на похороны. Таким образом, из-за этой всеобщей бездуховности и отсутствия религиозности была похоронена целая страна, а с нею – и огромный культурный слой, накопленный за долгие столетия. По мнению Бунина, если бы не случилась национальная катастрофа, многие представители интеллигенции были бы в числе самых несчастных, ведь тогда у них бы не было ни повода, ни возможности для постоянных заседаний, протестов, разглагольствований и писем [31, с. 86]. Писатель считал, что в стране стали чересчур много протестовать против социальной несправедливости, причем именно представители пишущего сословия. При этом к ним нередко присоединялось простонародье, которое тоже любило протестовать просто так, бесцельно. Таков был взгляд интеллигента-писателя, но отнюдь не социального мыслителя, теоретика-философа.

В качестве выводов отметим, что, во-первых, художественное творчество и социальная позиция Бунина как русского писателя прошли длительную эволюцию. Некоторая идеализация русского народа, крестьянства в частности, сменилась в годы революции и постреволюционный период мыслью о том, что «улица и толпа» в России стали играть слишком уж большую историческую роль. Во-вторых, в мировоззренческом плане творчество Бунина многообразно, оно включает синтез идей русского космизма, пантеизма и увлечение парадигмой мировой гармонии. В-третьих, Бунин как деятель культуры Серебряного века отдал дань концепции символистов о «новом религиозном сознании», но позднее возвратился к традиционному русскому православию, одухотворенности богослужения в Русской православной церкви. В-четвертых, судьба Бунина в какой-то мере показывает специфику творчества писателя-одиночки, стоящего вне признанных литературных направлений культуры Серебряного века. Отметим сходство в плане личностных позиций Марины Цветаевой и Ивана Бунина.

Список литературы

1. Благасова Г. М. Человек и природа в рассказах И. А. Бунина и Ю. П. Казакова // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 189–194. EDN: [PIVXJX](#)
2. Сливичкая О. В. Космическое мироощущение И. А. Бунина // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. 2009. Т. 2. С. 213–239. EDN: [OOWDMT](#)

3. Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02. М., 1993. 412 с.
4. Бернюкевич Т. В. Буддийские идеи в культуре России конца XIX – первой половины XX века : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13, 09.00.14. СПб., 2010. 394 с. EDN: [QFKJYF](#)
5. Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина. Философия, поэтика, диалоги : монография. СПб. : Алетей, 2022. 432 с. EDN: [GRKHLK](#)
6. Финько М. В. Религиозно-философская концепция русской культуры (на материале работ И. А. Ильина) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13. Ростов н/Д., 2004. 303 с. EDN: [NNIBDL](#)
7. Бейлин М. В., Гончаров Г. Н. Вселенская мудрость и христианская суть бытия в творческих поисках И. А. Бунина // Наука. Искусство. Культура. 2021. № 1 (29). С. 82–92. EDN: [NYLGOF](#)
8. Анисимов К. В. Социально-исторические воззрения И. А. Бунина (на примере рассказа «Ночной разговор») // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 5–8. EDN: [PLUTYZ](#)
9. Ряднова Е. О. Актуальность философской проблематики рассказов И. А. Бунина в XXI веке // Наука. Искусство. Культура. 2021. № 2 (30). С. 121–127. EDN: [WMZZEA](#)
10. Дунаев М. М. Православие и русская литература : в 6 ч. Ч. 5. М. : Христианская литература, 2003. 780 с.
11. Преподобный Силуан Афонский. Предисловие. Святая Гора Афон : Русский Свято-Пантелеймонов монастырь, 2004. 552 с.
12. Агафонова В. Д. Черты религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX веков в художественном сознании И. А. Бунина // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 18. С. 26–30. EDN: [TVYCEJ](#)
13. Исупов К. Г. Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) : в 2 кн. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. С. 69–130.
14. Брюсов В. Я. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. 1892–1909 / под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.]. М. : Художественная литература, 1973. 670 с.
15. Фоминенко Ю. А. Особенности понимания мистерии в философской мысли русских символистов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2022. № 1. С. 41–54. doi: [10.35231/18186653_2022_1_41](https://doi.org/10.35231/18186653_2022_1_41) EDN: [OPLSUJ](#)
16. Федоров Н. Ф. Философия общего дела : монография. М. : Эксмо, 2008. 750 с. EDN: [PEWVJU](#)
17. Циолковский К. Э. Научная этика: (Написана в начале 1930 г.)... Калуга : Гос. тип., 1930. 66 с.
18. Циолковский К. Э. Щит научной веры : сб. ст. М. : Луч, 2007. 718 с. EDN: [QJSNZX](#)
19. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-Пресс, 2012. 573 с. EDN: [QKUJQX](#)
20. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 270 с.
21. Сливницкая О. В. «Повышенное чувство жизни» : Мир Ивана Бунина. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 271 с. EDN: [QRDCGZ](#)
22. Бунин И. А. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 5: Жизнь Арсеньева (1927–1929); Божье древо (1927–1931). М. : Воскресенье, 2006. 440 с.
23. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2: Темные аллеи. Рассказы последних лет. Переводы. М. : Правда, 1988. 590 с.
24. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4: Произведения, 1907–1924. М. : Московский рабочий, 1995. 525 с.
25. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1 : Стихотворения, 1888–1952. М. : Московский рабочий, 1993. 539 с.
26. Карпенко Г. Ю. К вопросу о становлении «ветхозаветного» типа мышления в творчестве И. А. Бунина // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов : сб. ст. СПб. : [б. и.], 1995. С. 64–76.
27. Степун Ф. А. Встречи. М. : Аграф, 1998. 256 с.
28. Мальцев Ю. Иван Бунин, 1870–1953. М. : Посев, 1994. 432 с.
29. Бунин И. А. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4 : Воды многие (1914–1926). Грамматика любви (1914–1926). Смоленск : Смоленский полиграфкомбинат, 2006. 490 с.
30. Бунин И. А. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 3 : Повести, рассказы (1911–1914). Тень птицы (1907–1911). Смоленск : Смоленский полиграфкомбинат, 2005. 513 с.
31. Бунин И. А. Окаянные дни. М. : РИПОЛ классик, 2012. 240 с. EDN: [XQBINH](#)
32. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М. : АГРАФ, 1999. 554 с.
33. Зыкин А. В. Евразийство в контексте духовной культуры России // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 39. С. 433–438. EDN: [UXWNDD](#)

34. Арэфьев М. А. Евразийство в контексте отечественной культурфилософской мысли как альтернатива идеологии глобализации // Человек. Общество. Наука. 2021. Т. 2, № 2. С. 13–22. doi: 10.53015/2686-8172_2021_2_2_13 EDN: RMVZIJ

References

1. Blagasova G.M. Human and nature in the stories of I.A. Bunin and Yu.P. Kazakov. *Znanie. Poni-manie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill.* 2007;(3):189–194. (In Russ.)
2. Slivitskaya O.V. Cosmic worldview of I.A. Bunin. *Trudy Obedinennogo nauchnogo tsentra problem kosmicheskogo myshleniya = Proceedings of United Scientific Center for Problems of Cosmic Thinking.* 2009;2:213–239. (In Russ.)
3. Klimova G.P. *Works of I.A. Bunin and M.M. Prishvin in the context of Christian culture.* DSc dissertation. Moscow, 1993. 412 s. (In Russ.)
4. Bernyukevich T.V. *Buddhist ideas in the culture of Russia in the late 19th – first half of the 20th century.* DSc dissertation. Saint Petersburg, 2010:394. (In Russ.)
5. Prashcheruk N.V. *Proza I.A. Bunina. Filosofiya, poetika, dialogi: monografiya = Prose of I.A. Bunin. Philosophy, poetics, dialogues: Monograph.* Saint Petersburg: Aleteyya, 2022:432. (In Russ.)
6. Finko M.V. *Religious and philosophical concept of Russian culture (based on the works of I.A. Ilyin).* DSc dissertation. Rostov-on-Don, 2004:303. (In Russ.)
7. Beylin M.V., Goncharov G.N. Universal wisdom and the Christian essence of being in the creative quest of I.A. Bunin. *Nauka. Iskusstvo. Kultura = Science. Art. Culture.* 2021;(1):82–92. (In Russ.)
8. Anisimov K.V. Social and historical views of I.A. Bunin (based on the story “Night Conversation”). *Mir nauki, kulture, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education.* 2012;(6):5–8. (In Russ.)
9. Ryadnova E.O. Relevance of the philosophical problems of I.A. Bunin’s stories in the 21st century. *Nauka. Iskusstvo. Kultura = Science. Art. Culture.* 2021;(2):121–127. (In Russ.)
10. Dunaev M.M. *Pravoslaviye i russkaya literatura: v 6 ch. Ch. 5. = Orthodoxy and Russian literature: in 6 parts. Part 5.* Moscow: Khristianskaya literatura, 2003:780. (In Russ.)
11. Venerable Silouan the Athonite. *Predislovie = Preface.* Svyataya Gora Afon: Russkiy Svyato-Panteleymonov monastery, 2004:552. (In Russ.)
12. Agafonova V.D. Features of the religious and philosophical renaissance at the turn of the 19th and 20th centuries in the artistic consciousness of I.A. Bunin. *Kultura. Dukhovnost. Obshchestvo = Culture. Spirituality. Society.* 2015;(18):26–30. (In Russ.)
13. Isupov K.G. Philosophy and literature of the “Silver Age” (rapprochements and crossroads). *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov): v 2 kn. Kn. 1 = Russian literature at the Turn of the Century (1890s – Early 1920s): In 2 Books. Book 1.* Moscow: IMLI RAN: Nasledie, 2000: 69–130. (In Russ.)
14. Bryusov V.Ya. *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 1: Stikhotvoreniya. Poemy. 1892–1909 = Collected Works: in 7 volumes. Volume 1: Verses. Poems. 1892–1909.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1973:670. (In Russ.)
15. Fominenko Yu.A. Features of understanding the mystery in the philosophical thought of Russian symbolists. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of A.S. Pushkin Leningrad State University.* 2022;(1):41–54. (In Russ.). doi: 10.35231/18186653_2022_1_41
16. Fedorov N.F. *Filosofiya obshchego dela: monografiya = Philosophy of the common cause: Monograph.* Moscow: Eksmo, 2008:750. (In Russ.)
17. Tsiolkovskiy K.E. *Nauchnaya etika: (Napisana v nachale 1930 g.)... = Scientific ethics: (written in the early 1930s).* Kaluga: Gos. tip., 1930:66. (In Russ.)
18. Tsiolkovskiy K.E. *Shchit nauchnoy very: sb. st. = Shield of scientific faith: Collection of articles.* Moscow: Luch, 2007:718. (In Russ.)
19. Vernadskiy V.I. *Biosfera i noosfera = Biosphere and noosphere.* Moscow: Ayris-Press, 2012:573. (In Russ.)
20. Vernadskiy V.I. *Nauchnaya mysl kak planetnoye yavlenie = Scientific thought as a planetary phenomenon.* Moscow: Nauka, 1991:270. (In Russ.)
21. Slivitskaya O.V. «Povyshennoye chuvstvo zhizni»: *Mir Ivana Bunina = “Heightened sense of life”: World of Ivan Bunin.* Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2004:271. (In Russ.)
22. Bunin I.A. *Polnoye sobranie sochineniy: v 13 t. T. 5: Zhizn Arsenieva (1927–1929); Bozhe drevo (1927–1931) = Complete Works: in 13 volumes. Volume 5: Life of Arsenyev (1927–1929); God’s Tree (1927–1931).* Moscow: Voskresenie, 2006:440. (In Russ.)

23. Bunin I.A. *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 2: Temnye allei. Rassказы poslednikh let. Perevody = Collected Works: in 4 volumes. Volume 2: Dark Alleys. Stories of Recent Years. Translations.* Moscow: Pravda, 1988:590. (In Russ.)
24. Bunin I.A. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 4: Proizvedeniya, 1907–1924 = Collected Works: in 8 volumes. Volume 4: Works, 1907–1924.* Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1995:525. (In Russ.)
25. Bunin I.A. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 1: Stikhotvoreniya, 1888–1952 = Collected Works: in 8 volumes. Volume 1: Poems, 1888–1952.* Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1993:539. (In Russ.)
26. Karpenko G.Yu. On the formation of the “old testament” type of thinking in the works of I.A. Bunin. *Bibliya i vrozhdzenie dukhovnoy kultury russkogo i drugikh slavyanskikh narodov: sb. st. = The Bible and the Revival of the Spiritual Culture of the Russian and Other Slavic Peoples: Collection of Articles.* Saint Petersburg: [b. i.], 1995:64–76. (In Russ.)
27. Stepun F.A. *Vstrechi = Meetings.* Moscow: Agraf, 1998:256. (In Russ.)
28. Mal'tsev Yu. *Ivan Bunin, 1870–1953 = Ivan Bunin, 1870–1953.* Moscow: Posev, 1994:432. (In Russ.)
29. Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 4: Vody mnogie (1914–1926). Grammatika lyubvi (1914–1926) = Complete Works: in 13 volumes. Volume 4: Many Waters (1914–1926). Grammar of Love (1914–1926).* Smolensk: Smolenskiy poligrafkombinat, 2006:490. (In Russ.)
30. Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 3: Povesti, rassказы (1911–1914). Ten ptitsy (1907–1911) = Complete Works: in 13 volumes. Volume 3: Novels, Short Stories (1911–1914). The Shadow of a Bird (1907–1911).* Smolensk: Smolenskiy poligrafkombinat, 2005:513. (In Russ.)
31. Bunin I.A. *Okayannye dni = Cursed Days.* Moscow: RIPOL klassik, 2012:240. (In Russ.)
32. Trubetskoy N.S. *Nasledie Chingiskhana = Legacy of Genghis Khan.* Moscow: AGRAF, 1999:554. (In Russ.)
33. Zykina A.V. Eurasianism in the context of Russia's spiritual culture. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg State Agrarian University.* 2015;(39):433–438. (In Russ.)
34. Arefiev M.A. Eurasianism in the context of Russian cultural and philosophical thought as an alternative to the ideology of globalization. *Chelovek. Obshchestvo. Nauka = Human. Society. Science.* 2021;2(2):13–22. doi: [10.53015/2686-8172_2021_2_2_13](https://doi.org/10.53015/2686-8172_2021_2_2_13)

Информация об авторе / Information about the author

Н. Г. Коваленко – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 196601, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 2.

N.G. Kovalenko – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech, St. Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg Highway street, St. Petersburg, Pushkin, 196601.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 08.05.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.06.2024

Принята к публикации / Accepted 30.07.2024